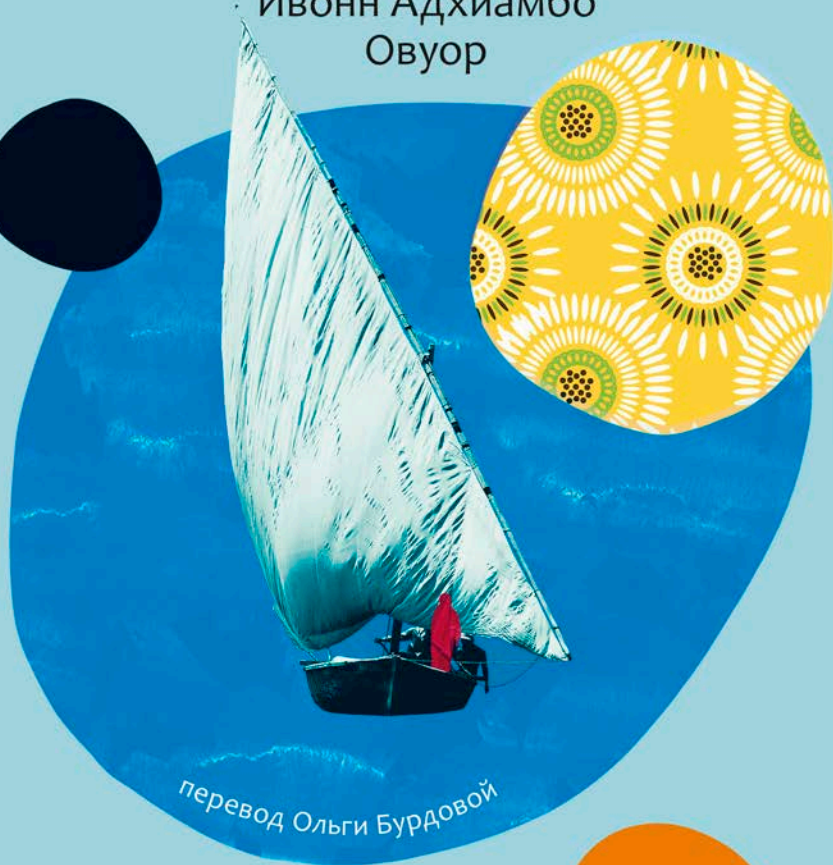

ГОЛОС

Ивонн Адхиамбо
Овуор

перевод Ольги Бурдовой

МОРЯ

МИ∞

От автора

В 2005 году отмечалось шестисотлетие со дня первого морского путешествия по Индийскому океану великого флотоводца и адмирала династии Мин — Чжэн Хэ, также известного как Ма Хэ и Хаджи Махмуд Шамсуддин (1371–1435). В этом же году молодая женщина с острова Пате, Кения, получила стипендию на обучение в Китае. Основанием для нее послужило подтвержденное тестами ДНК заявление о родстве семьи девушки с моряками экспедиции, организованной империей Мин, которые выжили в кораблекрушении и обрели пристанище на острове Пате, как и многие другие. «Голос моря» черпает вдохновение в этом реальном событии, однако ни в коей мере не является подлинной историей той молодой женщины и не должен считаться таковой. Хотя в произведении содержатся многие произошедшие в действительности случаи и описываются реальные события, в первую очередь это художественный вымысел, а хронологическая последовательность нескольких эпизодов изменена. Имена, персонажи, места и сюжетные повороты следует расценивать как предмет авторского воображения и художественный вымысел. Любое совпадение или сходство с реальными событиями или людьми, как умершими, так и живыми, является случайным.

Дочка, возьми этот амулет, носи его с честью.
Сделаю я тебе ожерелье из переливающихся
жемчугов и кораллов
И надену на шею, надежно скрепив застежкой,
изысканной, без изъянов.
Чаще купайся, умащивая себя благовониями,
и заплетай косы;
Собирай жасмин и рассыпай его по одеялу.
Облачайся всегда изящно, подобно невесте,
с браслетами на руках и ногах...
Обрызгивай себя водой из лепестков роз,
а ладони всегда расписывай хной...

Мвана Купона бинти Мшуам¹

¹ Мвана Купона бинти Мшуам — кенийская поэтесса XIX века. Из посвящения, посвященного дочери — Мване Хешиме («Песнь Мваны Купоны»). Здесь и далее примечания переводчика.

1

Roho ni mgeni.

Душа наша — всего лишь странница

Чтобы пересечь бескрайний океан и добраться до южных земель, предки африканских стрекоз родом из Северной Индии когда-то оседлали спокойный между сезонами утренний бриз, один из предвестников муссонных ветров, который называют *матлаи*. Одним предгрозовым днем, четыре поколения спустя, под темно-фиолетовыми облаками эти перелетные существа обосновались в заросшей мангровыми деревьями бухте на юго-западном побережье острова, где жила маленькая девочка. *Матлаи*, вступив в сговор с полной луной, обрушился на этот клочок суши, на его рыбаков, пророков, торговцев, моряков и морячек, лекарей, кораблестроителей, мечтателей, портных, безумцев, учителей, отцов и матерей с бушующей раздражительностью, сравнимой лишь с волнующимся бирюзовым морем.

Мгла накрыла самый крупный и самый отдаленный остров архипелага Ламу. Она медленно наползала с северного побережья рядом с фортом Сию, нагнав рыболовецкий флот Кизингитини, пока не нависла, мрачно и обреченно, над юго-западным городком Пате, который и без того подтачивали безответные чувства и неудовлетворенность судьбой. Потрепанное бесконечными проявлениями вероломства, осадным положением, военными действиями и соблазнами, поселение переживало нелегкие времена, как и весь остров с тем же именем. Свинцовые небеса изливали тускло-красное свечение на толпу вечно недовольных призраков прошлого, на затаенную вражду, на давно позабытые победы, на едва заметные пути и на клубок интриг вековой давности. Совсем уже слабый свет просачивался в древние гробницы, развалины и пещеры, предупреждая

о своем присутствии тех, кто готов был обитать бок о бок с трагедией. Эти люди верили, что время способно превратить даже худшую из катастроф в далекое эхо.

В самом сердце острова закукарекал петух, вторя громогласному призыву к молитве, азану. Морской бриз сдернул с головы девочки лимонно-желтый шарф, открывая густые черные кудри, которые немедленно упали ей на лицо. Семи-летняя худышка в слишком большом платье с цветочным узором, которое должно было когда-нибудь стать впору, наблюдала из зарослей мангровых деревьев за низкими грозowymi облаками, которые надвигались на остров. Она сочла их похожими на следы чудовища. Чудовища, чья решительная поступь оставляла на небе отпечатки в виде розоватых вспышек. Морские волны плескались на уровне колен девочки, а ее босые ноги глубоко зарывались в черный песок, пока она цеплялась за еще одно истощенное создание — мурлыкающего котенка с грязно-белым мехом — и гадала, доберется ли до суши первым шторм — ее чудовище — или же набитое пассажирами судно *дау*, которое медленно прокладывало путь к потрескавшемуся причалу справа от наблюдательницы. Она задержала дыхание, рассматривая возвращавшихся домой. *Ваджио*. Особенно забавно было следить за дергаными, точно у марионеток, движениями пассажиров при малейшем намеке на дождь. Девочка с предвкушением захихикала, когда средних размеров лодка с осыпающейся желтой надписью «Би Кидуе» вплыла в бухту.

По палубе застучали редкие, неуверенные капли дождя.

Оглушительные раскаты грома заставили всех пассажиров запрокинуть голову к небу и закудаhtать, точно напуганные птицы-носороги. Маленькая наблюдательница прыснула от смеха и случайно дернула котенка за шерстку, отчего он недовольно мяукнул.

— Тсс, — прошипела девочка питомцу, осторожно выглядывая из листвы мангровых деревьев, чтобы лучше рассмотреть за пеленой дождя лица прибывших на остров, желая сохранить на одной из полок в глубине души их разговоры, внешность, настроения, цвета и образы, которые сможет позднее вспоминать и обдумывать.

Каждый день, тайком ото всех, юная обитательница острова, владелица моря, являлась к этому portalу в другой мир и ждала чего-то. Ждала кого-то.

Котенок перебрался с правого плеча хозяйки на левое и огромными голубыми глазами принялся следить за танцем восьми золотистых стрекоз, которые парили в воздухе совсем близко. Раскат грома. *Дау* теперь скользило параллельно берегу, и взгляд девочки привлек незнакомец в кремовом костюме. Мужчина перегнулся через борт судна, и она уже собиралась высмеять неловкого пассажира, когда вдруг услышала резкий тревожный окрик:

— Аяа-а-а-на!

Наблюдению за незнакомцем помешала молния, расколовшая небо надвое.

— Аяа-а-а-ана! — повторился зов матери. — Аяа-а-а-ана!

Сначала девочка замерла, а потом низко согнулась, едва не садясь на колени в воде, и принялась гладить котенка, шепча ему на ухо:

— *Haidhuru* — «не обращай внимания». Она нас не заметит. Аяана честно пыталась снова заснуть и почти в этом преуспела, когда завывание морского ветра ворвалось через окно и окончательно сдуло ее дрему. Девочка слышала далекие раскаты грома, но лежала в постели, пока сопротивляться настойчивому зову шторма не стало совсем невозможно, и только тогда встала, сложила под простынями подушки так, чтобы они напоминали тело, протиснулась через высоко расположенное окно и соскользнула по сточной трубе, которая крепилась к крошащейся стене из коралла. Уже внизу Аяана подобрала на ступенях дома котенка, несколькими днями ранее спасенного ею из грязевого потока, поместила его на правое плечо и помчалась в сторону моря, нырнув в мангровые заросли, откуда так удобно было следить за всем миром, оставаясь при этом незамеченной.

— Аяа-а-а-ана!

Ветер охлаждал лицо. Котенок громко мурлыкал. Девочка наблюдала за *дау*. Пожилой мужчина в кремовом костюме повернулся, и их глаза встретились.

Аяана тут же отшатнулась, прячась в тених мангровых деревьев. Ее сердце быстро колотилось. Как такое могло произойти?

— Аяа-а-а-ана! — голос матери раздавался уже гораздо ближе. — Где носит эту несносную девчонку? Неужели мне придется призвать на помощь Бога?

Упомянутая несносная девчонка смерила тоскливым взглядом приближавшееся к причалу судно, затем подняла голову к почерневшему небу. Похоже, ей так и не доведется узнать, что доберется до суши первым: лодка или шторм? Аяана вспомнила выражение лица заметившего ее пассажира. Расскажет ли тот кому-то о ней? Она посмотрела на палубу в поисках тех глаз, с которыми встретилась лишь на секунду. Котенок на плече прижался мордочкой к шее хозяйки.

— Аяа-а-а-ана! *Haki ya Mungu... aieee!* — низкий грудной голос, который теперь источал угрозу, доносился уже из кустов, росших слева от мангровых деревьев. — *Aii, mwanangu, mbona wanitesa?*

Слишком близко. Девочка покинула свое убежище, прошлепала по приливной волне в сторону открытого пляжа и принялась перебегать от камня к камню, прячась за ними и прижимая к себе котенка, пока не оказалась вне поля зрения матери.

Незнакомец, пожилой мужчина из Нанкина, увидел, как малышка высоко взмыла в воздух, на секунду воспарила на фоне черного неба, а затем упала, словно сломанная ветвь, и издал сдавленный смешок. Остальные пассажиры, испытывавшие сочувствие к страдавшему морской болезнью попутчику, настороженно покосились на него. Нередко случалось, что длительное недомогание сводило людей с ума. Сам же старик не отрывал пристального взгляда от земли, хотя лицо оставалось спокойным, а лысая голова на морщинистой шее даже не повернулась. Катаракта на правом глазу придавала зрелищу колорита. Услышав резкий окрик «Аяа-а-а-ана!», путешественник вздрогнул, ощутил очередной кульбит желудка и с тоской смерил взглядом расстояние между лодкой и причалом, желая поскорее вновь оказаться на суше.

Спустя пятнадцать минут приезжий в плохо сидящем кремовом костюме, трепетавшем на сильном ветру, сошел с судна и побрел по мелководью, чтобы добраться до полосы черного песка, но едва не упал по пути, несмотря на помощь

неизвестного доброжелателя. Наконец старик оказался на суше. Он повалился на пляж и с жадностью наполнил грудь воздухом, в котором чувствовалось присутствие беспокойных призраков, слышалось бормотание тех, кто умер вдали от родной земли позабытыми и потерянными. Внезапно перед лицом возникла чужая коричневая рука. Приезжий принял ее. Один из моряков помог подняться на ноги, вручил пассажиру немудреный багаж, состоявший из серой сумки, и тоном, каким обычно рассказывают анекдот, понятный лишь самому шутнику, произнес: *Itifaki imezingatiwa*, после чего насмешливо фыркнул.

Путешественник заморгал от недоумения и опьяняющих ароматов, среди которых различил горьковатые нотки цитрусовых, сладкие бальзамические тона и соленые слезы моря, растворенные в густом, как суп, воздухе, жар которого проникал до самых костей. Старик сдался и наполнил этой смесью легкие, а потом обернулся, заслышав гул людских голосов. Им вторила музыка прибора. Над горизонтом нависали черные тучи, которые грозили вот-вот исторгнуть шторм. «Что это за место?» — подумал приезжий и медленно зашагал по песку. Ноги проваливались и разъезжались, словно обладали собственной волей и хотели сами взглянуть на окружающий мир. С одиноко стоящего куста диких роз слетел лепесток, поймав отсветы молнии. Старик помедлил, ожидая, пока тот опустится на землю, и только затем подобрал его и поднес к губам, сжав в правой руке, левой же поправил на плече сумку, где хранил всю свою жизнь.

2

Mwenda Pate harudi, Kijacho ni kilio.

Тому, кто отправляется на Пате,
уже не суждено вернуться;
в воздухе останется лишь скорбный крик

В то утро, когда пожилой мужчина из Китая сошел на берег Кении, в просторной спальне с известковой побелкой внутри двухэтажного дома из дерева и блоков коралла, который рас-